

Однажды тихим, безоблачным вечером в конце апреля Снусмумрик забрался так далеко на север, что на этой северной стороне еще виднелись пятна снега. Целый день брел он по невозделанным полям и все время слышал, как кричат у него над головой перелетные птицы.

Они тоже возвращались домой с юга.

Идти было легко, потому что рюкзак за спиной был все равно что пуст, и ничто на свете не огорчало Снусмумрика. Он был доволен лесом, и погодой, и самим собой. День завтрашний и день вчерашний были одинаково далеки от него, а сейчас ярко-багровое солнце светило меж березами, да и воздух был свеж и ласков.

«Этот вечер создан для песни, — подумал Снусмумрик. — Для новой песни, в которой затаилось бы немного ожидания, чуть побольше весенней грусти, а под конец — одно лишь непреодолимое восхищение тем, что можно бродить по свету и быть одному — в полном ладу с самим собой».

Мелодия этой песни многие дни хранилась у него в голове, под шляпой, но еще не осмелилась по-настоящему вырваться оттуда. Она должна была еще немножко созреть и стать такой веселой и убедительной, чтобы стоило ему только приложить гармошку к губам, как все звуки тотчас же попрыгали бы на свои места.

Извлеки он их до времени, может статься, они бы, заупрямившись, подарили ему лишь наполовину хорошую песню.

Или же он самоутратил бы интерес к этой мелодии и никогда больше не смог создать настоящую песню. Мелодии — серьезное дело, если ждешь от них и радости, и печали.

Но сегодня вечером Снусмумрик был уверенным в своей песне. Она существовала, она была все равно что закончена — и она должна стать лучше, чем любая когда-либо сочиненная им песня.

А вернувшись в Долину муми-троллей, он, сидя на перилах моста над рекой, сыграет свою песенку, а Муми-тролль тотчас скажет, что она хороша. Она — ужасно хороша.

Снусмумрик остановился на поросшей мхом кочке, и им овладело легкое недовольство. Да, Муми-тролль, который ждет его и так ужасно по нему тоскует... Который сидит там дома и ждет его, восхищается им и говорит: «Конечно, ты вольная птица. Совершенно ясно, что тебе надо уйти. Неужто я не понимаю, что тебе иногда надо побыть одному».

И в то же время глаза Муми-тролля чернеют от разочарования и беспомощной тоски.

— Ой-ой! — сказал Снусмумрик, продолжая идти. — Ой-ой! Он такой чувствительный, этот тролль. Не стану о нем думать. Он хороший тролль, но именно сейчас не стану о нем думать. Сегодня вечером — наедине с моей мелодией, а сегодня вечером еще не завтра.

Вскоре Снусмумрику удалось совершенно забыть Муми-тролля. Он вынюхивал удобное местечко для лагеря, а услышав чуть подалее в лесу журчание ручья, тотчас направился туда.

Последний красный луч солнца уже угас меж стволами, и медленно наступили голубоватые весенние сумерки. Весь лес был голубым, а березы, словно белые столбы, отступали все дальше и дальше в сумерки.

Хороший был этот ручей!

Прозрачный, с коричневатой водой, перепрыгивал он через кучи прошлогодней листвы и сквозь оставшиеся от зимы ледяные туннели. Он извивался среди мшистых бережков и бросался стремглав в маленький водопад с белым песчаным дном. Иногда он, словно комар, пел бодрую веселую песенку, а иногда притворялся, будто он большой и грозный ручей, и тогда слегка полоскал горло булькающей талой снежной водой и смеялся над всем на свете.

Снусмумрик, стоя в мокром мшанике, прислушивался.

«Ручей должен попасть в мою песню, — думал он. — Быть может, как припев».

В тот же миг на плотине оторвался какой-то расшатавшийся камень, и к мелодии воды прибавились басовые нотки.

— Неплохо! — восхищенно произнес Снусмумрик. — Именно так и должна звучать песня. В совершенно новой тональности... Только так. А не подарить ли мне ручью его совершенно собственную, личную песню?

Вытащив старую кастрюлю, он наполнил ее водой из водопада. А потом отправился в ельник — поискать хворост для костра.

Лес был мокрый от таявшего снега и весеннего дождя. Снусмумрику пришлось долго блуждать в дремучем буреломе, чтобы найти сухие ветки. Он протянул лапку, и вот тут кто-то, громко вскрикнув, метнулся мимо него под елями, еще долго вскрикивая в лесной чаще.

— Да-да, — сказал самому себе Снусмумрик. — Ползучки и всякие мелкие твари таят под каждым кустом. Это чувствуется. Удивительно, что все они такие нервные. Чем они меньше, тем шустрее.

Он вытащил из вязанки сухой пенек, несколько веточек и спокойно сложил лагерный костер в извилине ручья. Огонь тотчас же загорелся: ведь Снусмумрик привык сам себе готовить обед. Он никогда не готовил обеда кому-нибудь другому, если его не вынуждали к этому, а об обедах других он не очень-то и беспокоился. Ведь все упрямо болтают, пока едят.

И еще у них слабость к столам и стульям, а в самом худшем случае они пользуются салфетками!

Он даже слышал о некоем хемуде, который переодевался к обеду, но это, верно, была клевета.

Снусмумрик с отсутствующим видом съел свой скудный суп, меж тем как взгляд его отдыхал на мшистых зеленых покрывах под березками.

Мелодия была уже совсем близко, оставалось только схватить ее за хвост. Но у него было время для ожидания. Мелодия была окружена со всех сторон, и об отступлении не могло быть и речи. Сначала мыть посуду, потом трубка, а уж потом, когда костер превратится в уголья и ночные звери начнут перекликаться в лесу, — вот тогда-то и наступит время сочинить песню.

Снусмумрик увидел Малютку в ту самую минуту, когда полоскал кастрюлю в ручье. Тот сидел под корнем дерева на противоположном берегу и тарасил глазенки под взъерошенной челкой. Глазенки были испуганные, но очень любопытные и следили за каждым движением Снусмумрика.

Два робких глазика под всклокоченными волосами. Да, такой вид бывает всегда у тех, с кем никто не считается.

Снусмумрик не обращал внимания на Малютку. Он погасил уголья и нарезал немного ельника, чтобы было на чем сидеть. Он вытащил трубку и медленно зажег ее. Выпуская тонкие клубы дыма в ночное небо, он ждал свою весеннюю песню.

Но она не приходила. Вместо этого он чувствовал взгляд Малютки, его глаза следили за всем происходящим, он восхищался всем, что делал Снусмумрик, и мало-помалу в Снусмумрике начало зарождаться недовольство.

Он сложил лапки рупором и крикнул:

— Брысь!

Тогда Малютка вылез из-под корня дерева и чрезвычайно застенчиво сказал:

— Надеюсь, я не испугал тебя? Я знаю, кто ты. Ты — Снусмумрик.

И с этими словами маленький зверек кинулся прямо в ручей и стал переходить его вброд. То был слишком большой ручей для такого крохотного существа, а вода была холодная. Несколько раз он терял опору под ногами и падал навзничь, но Снусмумрик был так скверно настроен, что и не подумал ему помочь.

Наконец некто ужасно несчастный и тоненький, как нитка, стуча зубами, вполз по береговому откосу вверх и сказал:

— Привет! Я так счастлив, что встретил тебя.

— Привет! — холодно ответил Снусмумрик.

— Можно мне погреться у твоего костра? — продолжал зверек, сияя всей своей мокрой мордочкой. —

Подумать только, я стану Тем, кому однажды довелось сидеть у лагерного костра Снусмумрика. Этого я никогда в жизни не забуду.

Малютка придвинулся ближе, положил лапку на рюкзак и торжественно прошептал:

— Это здесь твоя губная гармошка? Она там — внутри?

— Да, — очень неприветливо ответил Снусмумрик.

Мелодия его одиночества исчезла — все настроение уничтожено. Он кусал трубку и пристально смотрел между березок, не видя их.

— Не бойся, ты мне совершенно не помешаешь, — разразился наивный Малютка. — Я имею в виду, если захочешь поиграть. Ты даже не представляешь, как я тоскую по музыке. Я никогда никакой не

слышал. Зато я слышал о тебе. Еж, и Малыш, и моя мама рассказывали... А Малыш даже видел тебя! Да, ты даже представить себе не можешь... Здесь так мало чего случается... А мы так много мечтаем...

— Ладно, как же тебя зовут? — спросил Снусмумрик.

Вечер был все равно испорчен, вот он и подумал: уж проще что-нибудь сказать.

— Я так мал, что у меня нет имени, — живо ответил Малютка. — Подумать только, никто никогда не спрашивал, как меня зовут. А тут являешься ты, о котором я так много слышал и которого мечтал увидеть, и спрашиваешь, как меня зовут. Ты считаешь... если бы ты мог... я думаю, не очень ли тебе трудно придумать мне имя, которое было бы только мое и ничье больше? Сегодня вечером?

Снусмумрик что-то пробормотал в ответ и надвинул шляпу на глаза. Кто-то на длинных заостренных крыльях перелетел ручей, горестно и протяжно крича в лесную чащу:

— Ю-юю, ю-юю, ти-ууу...

— Если слишком кем-то восхищаться, никогда не стать вольной птицей, — внезапно произнес Снусмумрик. — Я это знаю.

— Я знаю, что ты знаешь все, — болтал маленький зверек, придвигаясь еще ближе. — Я знаю, что ты все видел. Все, что ты говоришь, — правильно, и я всегда буду стараться быть таким же вольным, как ты. А теперь тебе надо домой, в Долину Муми-троллей, — отдохнуть, встретиться со знакомыми... Еж говорил, что когда Муми-тролль пробуждается от зимней спячки, он тотчас начинает тосковать по тебе... Ну разве не чудесно, когда кто-то тоскует по тебе и ждет, и ждет тебя?

— Я вернусь когда надо! — пылко воскликнул Снусмумрик. — А может, и вообще не вернусь! Может, я пойду совсем в другую сторону.

— О! Тогда он, верно, очень огорчится, — сказал Малютка.

В тепле он начал просыхать, и шубка его спереди оказалась мягкой и светло-бурой. Снова указав на рюкзак, он осторожно спросил:

— Может, ты... Так много путешествовал...

— Нет, — возразил Снусмумрик. — Не сейчас.

И горестно подумал: «Почему они никогда не оставляют меня в покое... Меня и мои путешествия? Неужели им не понять, что я все растеряю, если буду все время о них рассказывать. Потом все исчезнет из памяти. И когда я попытаюсь вспомнить, как все было, я вспомню только свой собственный рассказ».

Довольно долго стояла тишина, и снова закричала ночная птица.

Но вот Малютка поднялся и тихим голосом сказал:

— Да, тогда я, пожалуй, пойду домой. Привет!

— Привет, привет! — ответил Снусмумрик и вдруг пошел на попятную: — Послушай-ка! Вообще-то... Насчет имени, которое нужно тебе дать. Тебя можно бы назвать Ти-ти-уу! Ти-ти-уу, понимаешь, имя с веселым началом и долгим печальным «уу» на конце.

Зверек смотрел на Снусмумрика, и глазенки его отливали желтизной при свете огня. Он обдумывал свое имя, смаковал его, прислушивался к нему, вживался в него и в конце концов, подняв мордочку к небу, тихо провыл свое собственное новое имя так зачарованно и печально, что у Снусмумрика забегали по спине мурашки.

Затем в вересковых зарослях мелькнул коричневый хвостик — и все стихло.

— Чепуха какая-то, — сказал Снусмумрик и пнул ногой костер.

Вытряхнув пепел из трубки, он поднялся и закричал:

— Эй! Вернись!

Но лес молчал.

— Ну ладно, — произнес Снусмумрик. — Нельзя же вечно быть любезным и обходительным. Не успеваешь, просто не успеваешь... Да и у Малютки теперь есть собственное имя, вот так.

Он снова уселся, прислушиваясь к журчанию ручья, к тишине, и стал ждать свою мелодию. Но она не являлась. Он сразу же догадался, что она умчалась так далеко, что ему ее никак не поймать. Быть может, больше никогда... Единственное, что засело у него в голове, был оживленный и робкий голосок Малютки, который все болтал, болтал и болтал без конца.

— Таким надо сидеть дома со своими мамочками, — сердито сказал Снусмумрик и, бросившись на ельник, улегся на спину.

Немного погодя он уселся и снова начал звать Малютку, и долго вслушивался в лесную чащу, а потом натянул шляпу на нос, чтобы заснуть.

На следующее утро Снусмумрик двинулся дальше. Он устал, настроение у него было прескверное, и он бежал рысью на север, не глядя по сторонам, а в голове, под шляпой, у него не было даже самого крохотного начала мелодии.

Он не мог думать ни о чем, кроме этого Малютки. Он вспоминал каждое его слово и все свои собственные слова и без конца перебирал их в памяти, пока не почувствовал себя совсем худо. Он так устал, что вынужден был сесть.

«Что это со мной? — сердито подумал смущенный Снусмумрик. — Такого со мной никогда прежде не бывало. Должно быть, я болен».

Он встал и медленно пошел дальше и снова начал перебирать в уме все слова, которые произнес Малютка, и все, что ответил он сам.

Под конец ему стало вовсе невмоготу. Ближе к полудню Снусмумрик надумал вернуться и двинулся в обратный путь.

Немного погодя он почувствовал себя лучше. Он шел все быстрее и быстрее, он спотыкался и почти бежал. Короткие песенки летали у самых его ушей, но у него не было времени их ловить. Вечером он снова очутился в березовой роще и начал звать:

— Ти-ти-уу! Ти-ти-уу!

И ночные птицы, пробудившись, отвечали: «Ти-ти-уу, ти-ти-уу», но Малютка не ответил ни слова.

Снусмумрик исходил рощу вдоль и поперек, он искал и кричал, пока не спустились сумерки. Молодой месяц взошел над прогалиной в лесу. Снусмумрик стоял и смотрел на него и совсем впал в отчаяние.

«Я должен загадать желание, — подумал он, — ведь это же молодой месяц».

Он чуть было не загадал то же самое, что всегда: новую песню или, как бывало иногда, — новые пути-дороги.

Однако тут же поправился и загадал:

— Найти Ти-ти-уу!

Потом, трижды повернувшись, пошел через прогалину в лес и наискосок через горный хребет. Вдруг раздался шорох и что-то пыльное, светло-бурое промелькнуло в кустах.

— Ти-ти-уу! — тихонько позвал Снусмумрик. — Я вернулся обратно — побеседовать с тобой.

— О! Привет! — произнес Ти-ти-уу и высунулся из кустов. — Это хорошо. Я покажу тебе, что я смастерил. Табличку с моим именем! Погляди! С моим собственным новым именем, которое будет на табличке возле двери, когда у меня появится собственный домик.

Малютка вытащил из кустов кусок бересты с вырезанным на нем рукописным знаком и с важным видом продолжал:

— Красиво, правда? Все в восхищении!

— Как изящно! — похвалил Снусмумрик. — А у тебя будет собственный домик?

— Ясное дело! — просиял Малютка. — Я ушел из дому и начал жизнь заново! Это так интересно! Понимаешь, до того, как я приобрел имя, я просто бегал повсюду и чувствовал только в общих чертах, как события мелькают вокруг меня. Иногда они были опасны, иногда не опасны, но меня они не касались, ничего настоящего не было, понимаешь?

Снусмумрик попытался было что-то сказать, но Малютка тотчас же продолжил:

— Теперь я сам себе хозяин, и все, что происходит, кое-что да значит. Потому что все происходит вокруг уже не в общих чертах, а со мной, касается меня. Ти-ти-уу! И Ти-ти-уу видит вещи то так, то эдак, если тебе понятно, что я имею в виду.

— Разумеется понятно, — произнес Снусмумрик. — Это так интересно!

Ти-ти-уу кивнул головой и снова начал рыться в кустах.

— Знаешь что, — сказал Снусмумрик, — я, вероятно, в любом случае схожу повидаться с Муми-троллем. Мне почти кажется, что я чуть ли не тоскую о нем.

— О Муми-тролле? — переспросил Ти-ти-уу. — Ну да, конечно!

— А если тебе хочется, я бы мог немного поиграть тебе, — продолжал Снусмумрик. — Или рассказать какие-нибудь истории.

Малютка высунулся из кустов и сказал:

— Истории? Ясное дело. Может, вечером? Сейчас как раз я немножко спешу, ты меня извинишь, конечно...

Светло-коричневый хвостик мелькнул в вересковых зарослях, чтобы исчезнуть на несколько мгновений; потом чуть подальше из кустов высунулись ушки Ти-ти-уу и он весело закричал:

— Эй, передай привет Муми-троллю! Мне надо торопиться жить, ведь столько времени пропало даром!

И он исчез в мгновение ока.

Снусмумрик почесал затылок.

— Вот так, — сказал он. — Так-так. Таким образом.

Он растянулся на мшанике и стал смотреть в весеннее небо, которое высоко-высоко было прозрачно-голубым, а над верхушками деревьев цвета морской волны. Где-то там в голове, под

шляпой, начала шевелиться его мелодия, в которой затаилось немного ожидания, чуть побольше весенней грусти, а под конец — одно лишь непреодолимое восхищение тем, что он остался один.